

ISSN 2307-4671

Журнал основан в 2007 г.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЛАБОРАТОРИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

АЗИАТСКИЙ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ЭТНОЛОГИИ
И МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, КУЛЬТУРЫ И НАУКИ МОНГОЛИИ
ХОВДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

ВЫПУСК VIII

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2015

Главный редактор:
доктор исторических наук **П.К. Дашковский**

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук **Л.Н. Ермоленко**;
доктор культурологии **Л.С. Марсадолов**;
доктор исторических наук **Т.Д. Скрынникова**;
доктор философских наук **О.М. Хомушку**;
доктор исторических наук **Л.И. Шерстова**;
доктор исторических наук **С.А. Яценко**

Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. – Вып. VIII. – 316 с.: ил.
ISSN 2307-4671

В журнале представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху средневековья и в период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, новым религиозным движениям, а также особенностям государственно-конфессиональной политики.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей религий и культуры народов Азии.

Издание подготовлено и издано при частичной финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект № 13-21-03001a/G, тема «Этнокультурные и политические процессы как факторы исторической динамики религиозной ситуации в трансграничном пространстве юга Западной Сибири и Западной Монголии»)

© Оформление. Изд-во Алтайского
госуниверситета, 2015

ISSN 2307-4671
The journal was Founded in 2007

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
ALTAI STATE UNIVERSITY
LABORATORY OF THE ETHNOCULTURAL AND RELIGION
SCIENCE RESEARCH
ASIAN EXPERT-ANALYTICAL CENTER OF ETHNOLOGY
AND INTERNATIONAL EDUCATIONAL COOPERATION
HOVDSKIY STATE UNIVERSITY
MINISTRY OF EDUCATION, CULTURE AND SCIENCE OF MONGOLIA

**THE WORLDVIEW OF THE POPULATION
OF THE SOUTH SIBERIA AND CENTRAL ASIA
IN THE HISTORICAL RETROSPECTION**

VIII ISSUE

Barnaul – 2015

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (Doctor of Historical Sciences)

Editorial board:

L.N. Ermolenko (Doctor of Historical Sciences);

L.S. Marsadolov (Doctor of Culturological Sciences);

T.D. Skrynnikova (Doctor of Historical Sciences);

O.M. Homushku (Doctor of Philosophic Sciences);

L.I. Sherstova (Doctor of Historical Sciences);

S.A. Yatchenko (Doctor Historical Sciences)

The worldview of the population of the South Siberia and Central Asia in the historical retrospection / Ex. editor P.K. Dashkovski. – Barnaul, 2015. – VIII issue. – 316 p.

In the collection of the papers the results of the research of the various world view system of the people lived on the territory of the South Siberia and Central Asia in ancient times, in the epoch of the Middle age and in the period of the ethnographical present. Series of works are devoted to the research of the religious beliefs and rituals of the modern and traditional societies, new religious movements as well as the features of the state-confessional relations.

The book is directed towards the specialists of the religious study, historians, archaeologists, ethnographers, specialists on the cultural studies and everyone who are interested in the history of religions and culture of the people of Asia.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

<i>Вадецкая Э.Б.</i> Вышивка из зубов соболя на погребальных одеждах населения окуневской культуры.....	7
<i>Дашиковский П.К.</i> Исследование оградок тюркской культуры на могильнике Чинета-II.....	20
<i>Илюшин А.М.</i> Кенотафы и полукенотафы в культуре кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины.....	29
<i>Кожя М.Б.</i> Изображения Тенгри и Умай на резном дереве из Отрарского оазиса	34
<i>Король Г.Г.</i> Мотивы летящей птицы и крылатой богини в средневековой торевтике и традиционное наследие народов Саяно-Алтая.....	47
<i>Миягашев Д.А.</i> Окуневские святилища в контексте изучения культовых мест Сибири.....	63
<i>Мунхбат Д.</i> Первые формы религиозных верований, возникших среди древних монголов	73
<i>Нуржанов А.А., Муратова С.Е.</i> Религиозная толерантность как система взаимоотношений мировых религий на территории средневекового Казахстана (VI–XIII вв.).....	79
<i>Рыбаков Н.И.</i> Дополнительные материалы о религии кыргызов Енисея: VIII–X вв.	93
<i>Серигов Ю.Б.</i> Мегалитические культовые объекты древнего Урала	101
<i>Терновая Г.А.</i> К вопросу о культе огня в погребально-поминальной обрядности средневековых жителей Семиречья (по материалам археологии).....	122

Раздел II. ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Атдаев С.Д.</i> Традиции охраны и сбережения водных ресурсов у туркмен.....	138
<i>Гельдыниязова О.А.</i> Символика казана у туркмен	152
<i>Монгуш М.В.</i> Христианские общины Тувы: краткий очерк	159

<i>Осмонова Н.И.</i> Слово как символ в традиционной культуре кыргызов	175
<i>Тишков Ю.В.</i> Святилище «Семь менквов» в мифологических представлениях народа манси	189
<i>Ямаева Л.А.</i> Реликты доисламских верований в погребальной обрядности башкир	202

Раздел III. ПОЛОЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ И СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Брежнева С.Н.</i> Толерантность по-русски: из истории проведения религиозной политики Российской империей в Туркестане.....	211
<i>Волоснов Р.Ю.</i> Православные школы в сельской общественной жизни Алтая конца XIX – начала XX в.	223
<i>Дашковский П.К., Зиберт Н.П.</i> Особенности регистрации религиозных общин на территории Алтайского края в середине 1950-х – начале 1980-х гг.	230
<i>Дашковский П.К., Шершнев Е.А.</i> Религиозная политика Российской империи в отношении мусульманских общин Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.	242
<i>Жанбосинова А.С.</i> Кампания по изъятию религиозных ценностей в 20-е гг. XX в. как метод борьбы с культом	264
<i>Кацаева М.В., Белецкий А.Ю.</i> Состояние католических общин на Алтае в конце XIX – XX в.	276
<i>Почекаев Р.Ю.</i> От тамги к закяту. Торговые налоги в Средней Азии: между религией и правом (от державы Тимуридов до протекторатов Российской империи)	283

Раздел IV. РЕЦЕНЗИИ

<i>Руденко К.А.</i> Рецензия на книгу: Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии	294
---	-----

Раздел V. ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

<i>Дашковский П.К.</i> Вторая международная научная конференция «Религия в истории народов России и Центральной Азии» в Барнауле	302
Список сокращений	307
Сведения об авторах	309

Савинов Д.Г., Бобров В.В. Погребения раннесредневекового могильника Танай-VIII // Историко-культурное наследие Кузбасса. Кемерово, 2011. Вып. III. С. 60–72.

Серегин Н.Н. Кенотафы тюркской культуры Алтая // Студент и научно-технический прогресс: мат. XLIII Междунар. науч. студ. конф. Новосибирск, 2005. С. 62–64.

Тишкин А.А., Грушин С.П. Что такое кенотаф? // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. Вып. 2. С. 24–28.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003. 430 с.

М.Б. Кожя

Международный Казахско-Турецкий университет

им. Х.А. Ясави, Туркестан, Казахстан

ИЗОБРАЖЕНИЯ ТЕНГРИ И УМАЙ НА РЕЗНОМ ДЕРЕВЕ ИЗ ОТАРСКОГО ОАЗИСА

Рассмотрены вопросы, связанные с интерпретацией образов на деревянных досках, обнаруженных в ходе раскопок цитадели городища Куйруктобе (в 6 км к юго-западу от городища Отрар, Южный Казахстан). Наиболее интересные материалы были получены при раскопках центрального зала дворца, где расчищены резные доски с изображениями культовых и светских сцен. Цитадель Куйруктобе являлась резиденцией тюркских правителей исторической области Тарбанд-Отрар и была разрушена во время походов арабов в VIII в. Лучшее других сохранилась доска с изображениями божеств на зооморфных тронах, расположенных под арками. С левой стороны изображено мужское божество на престоле в виде фигуры двух крылатых верблюдов. Справа от него – женское божество, сидящее на троне. На деревянной доске представлены божества древних тюркских народов: Тенгри, Умай. На одной из композиций изображен тюркский каган из рода Ашина, скорее всего, предок владельца дворца.

Ключевые слова: раскопки, Центральная Азия, древние тюрки, реконструкция, культы, Тенгри, Умай.

Полевой сезон 1980 г. Южноказахстанской комплексной археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР ознаменовался находкой уникального резного дерева, выявленного при раскопках цитадели городища Куйруктобе, что в 6 км юго-западнее Отрара. В первый год были расчищены фрагменты горелого дерева с изображением розеток и геометрического орнамента, в последующие годы появились плахи с изображениями человеческих фигур (Байпаков К.М., 1984, с. 450–451). И понадобилось

немало труда на месте раскопок и кропотливой многолетней камеральной работы коллектива археологов и реставраторов – К.М. Байпаков, Ю.А. Мотов, Ю.И. Трифонов, Л.Ф. Чарлина, Г.И. Тер-Оганьян и др., чтобы извлечь из земли все то, что как-то уцелело от интерьера парадного зала дворца, и вернуть уникальным памятникам первоначальный облик. Большая часть материала, собранного при раскопках дворца Куйруктобе, введена в научный оборот К.М. Байпаковым и Г.А. Терновой. На основе этих находок была написана глава «Авестийская религия и династический культ (по материалам дворца)» в монографии «Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйруктобе)» (Байпаков К.М., Терновая Г.А., 2005).

Однако многие вопросы, связанные с интерпретацией изображений куйруктобинского резного дерева, остаются, на наш взгляд, весьма спорными.

Резное дерево было выявлено при расчистке центрального зала (10,5×15 м) дворца. Дворец погиб в результате пожара: внутренние плоскости стен и полы всех помещений обожжены на глубину до 4 см, считая слой обмазки (Байпаков К.М., 1984, с. 432).

В настоящее время высказаны две точки зрения о времени и причинах пожара. По мнению К.М. Байпакова, дворец сгорает в результате пожара в первой половине IX в. (Байпаков К.М., Терновая Г.А., 2005, с. 13), и гибель цитадели Куйруктобе можно связать с походом арабского отряда Фадла ибн Сахля либо с походом саманида Насра I ибн Ахмада на Шавгар в начале второй половины IX в. (Байпаков К.М., 1986, с. 58–59).

Иную точку зрения о времени пожара высказал Е.А. Смагулов. По его мнению, пожар произошел в середине VIII в. Ученый аргументирует свой вывод обнаружением при расчистке дворцового здания только местных литых бронзовых монет со львом и отсутствием тюркешских монет или омеядских или саманидских фельсов, которые были бы уместны в слое пожара, если бы дворец существовал в конце VIII – первой половине IX в. Е.А. Смагулов (2004, с. 109) синхронизирует пожар на Куйруктобе с мощным пожаром во втором строительном горизонте на цитадели городища Куяк-мардан.

Выводы Е.А. Смагулова о причинах и времени пожара куйруктобинского дворца находят соответствие со сложившейся исторической ситуацией в регионе. Проведенный нами сопоставительный анализ данных родословных «Насабнама» и археологии периода раннего средневековья Южного Казахстана показал, что ранняя исламизация региона началась в VIII в. с вторжением арабских отрядов и сопровождалась упорным сопротивлением местного населения. Военные дейст-

вия нашли отражение в археологическом материале в виде следов пожаров, запустений на большинстве исследованных памятников Средней Сырдарьи, в сердцевине которого располагается Отрарский оазис и городище Куйруктобе (Кожа М., 2009). Поэтому мы считаем, что разрушение дворцового комплекса со всеми атрибутами «языческого» культа было связано с деятельностью арабов в VIII в. по искоренению следов религий «неверных» на территории Южного Казахстана.

Автор первой публикации горелого дерева К.М. Байпаков (1986, с. 96) отметил, что на резной доске из цитадели Куйруктобе изображены тюрки с явными монголоидными чертами: широкие безбородые лица, плоские носы, глаза с косым разрезом, что внешний облик их близко напоминает тюрков из свиты самаркандского царя Вархумана на росписях Афрасиаба и тюрков в сцене погребения из Пенджикента, что аргументом в пользу тюркской принадлежности персонажей могут служить и одежда, и украшения, которые находят аналоги в соответствующих аксессуарах каменных изваяний Семиречья.

Однако в последующих работах К.М. Байпаков и Г.А. Терновая (2005, с. 76), позабыв о монголоидных чертах изображений, посчитали, что «знатные персонажи, изображенные на резной доске из Куйруктобе, видимо, являются представителями тюркского племени кангаров-кенгересов. Они, вероятно, были потомками кангюйцев». На основе таких предположений авторы книги делают следующее заключение: «Благодаря изображениям на резных досках из Куйруктобе, мы имеем информацию, что памятник оставлен представителями тюркского племени – кангарами-кенгересами, потомками кангюйцев, ведущими родословную от Сиявуша и исповедующими митраизм» (Байпаков К.М., Терновая Г.А., 2005, с. 77, 180).

На наш взгляд, этот вывод не аргументирован и совершенно не учитывает накопленные исторические данные о религии и культах Казахстана в период древних тюрков, традиционные представления тюркских народов. Согласно исследованиям Б.И. Вайнберг, «владение Кангюй», очевидно, было своего рода наследником древней Канхи туранцев. Какие-то легендарные представления о туранской «династии» Афрасиаба сохранялись в районе средней Сырдарьи, несмотря на «смены» этносов, вплоть до средневековья, что нашло отражение в эпоху Сельджукидов и Караханидов, когда династии этих правителей искусственно возводились к Афрасиабу» (Вайнберг Б.И., 1999, с. 206). Общеизвестно, что тюркские народы считали своим пра-родителем Афрасиаба, а не Сиявуша.

И вряд ли могли потомки кангюйцев так быстро приобрести выраженные монголоидные черты и другие этнические особенности,

отмеченные в свое время К.М. Байпаковым (1986, с. 96) в ранних публикациях о персонажах резного дерева. При анализе сюжетов горелого дерева Куйруктобе необходимо помнить, что время строительства и функционирования дворца – это эпоха господства древних тюрков на территории Средней Азии и Казахстана. В рассматриваемый период область Отрар-Тарбанд вместе с Чачом, Испиджабом (Сайрам) и Таразом представляли отдельное владение Тюркского каганата. По мнению Г. Бабаярова (2007, с. 58), Тарбанд являлся военно-политическим центром отмеченного владения. С VII в. власть в этом владении находилась напрямую в руках представителей рода Ашина – основателей Тюркского каганата. Поэтому на резном дереве вполне могли быть изображены персоны из рода Ашина – владельцы дворца, а сам замок-дворец был резиденцией наместников Тюркского каганата в Тарбанде. На основе вышесказанного трудно согласиться с предположением, что «на резных деревянных досках, украшавших парадный зал Куйруктобе (VII – первая половина IX в.), изображены авестийские боги» (Байпаков К.М., Терновская Г.А., 2005, с. 180). Логичнее всего предполагать в аудиенц-зале дворца представителя правящей тюркской элиты изображения тюркских богов.

Судя по находке крепежных деталей трона (Байпаков К.М., Терновская Г.А., 2005, с. 51), зал с резным деревом представлял приемный зал дворца. О том, что Куйруктобинский дворец был неординарным сооружением, свидетельствует не только отсутствие на сегодняшний день прямых аналогов сооружению, но и использование для украшения стен дворца редкого дерева со сложной резьбой. По мнению К.М. Байпакова и З.Ж. Шарденовой, С.Я. Перегудовой (2001, с. 222), «в Средней Азии впервые был получен столь богатый комплекс резных досок с культовыми и светскими сценами». Причем для резного декора была использована арча (можжевельник), которая не произрастает на территории Отрарского оазиса. Ближайшие леса из арчи располагаются на территории Западного Тянь-Шаня, в районе нынешнего заповедника Аксу-Жабаглы, где растут самые мощные в Казахстане деревья арчи высотой до 20 м (Ковшарь А.Ф., 1972, с. 32). Выбор и заготовка материала и доставка арчи из горных районов, привлечение мастеров художественной резьбы требовали значительных затрат, что также свидетельствует о возможностях хозяина дворца.

Судя по находке деталей трона, северо-западная стена помещения является наиболее важной и почетной. Поэтому рассмотрим на резных досках изображения, располагавшиеся за спиной сидящего на троне правителя. В центральной части находилась композиция, со-

стоящая из трех арок. Под центральной аркой помещено изображение божества, сидящего на троне в короне со ступенчатыми зубцами. В левой приподнятой руке он держит зубчатую корону, в правой руке – жезл (рис. 1).

К.М. Байпаков и Г.А. Терновая (2005, с. 56) предполагают, что божество в короне является Митрой Ахурой, «он изображен в сцене инвеституры с короной (символом суверенитета) в левой руке, символически венчая на власть правителя». Мы согласны с предположением, что данная композиция резного дерева представляет инвеститурную сцену. Однако логичнее предположить, что божество в короне, венчающее тюркского правителя, скорее всего, является не Митрой Ахурой, а тюркским божеством.

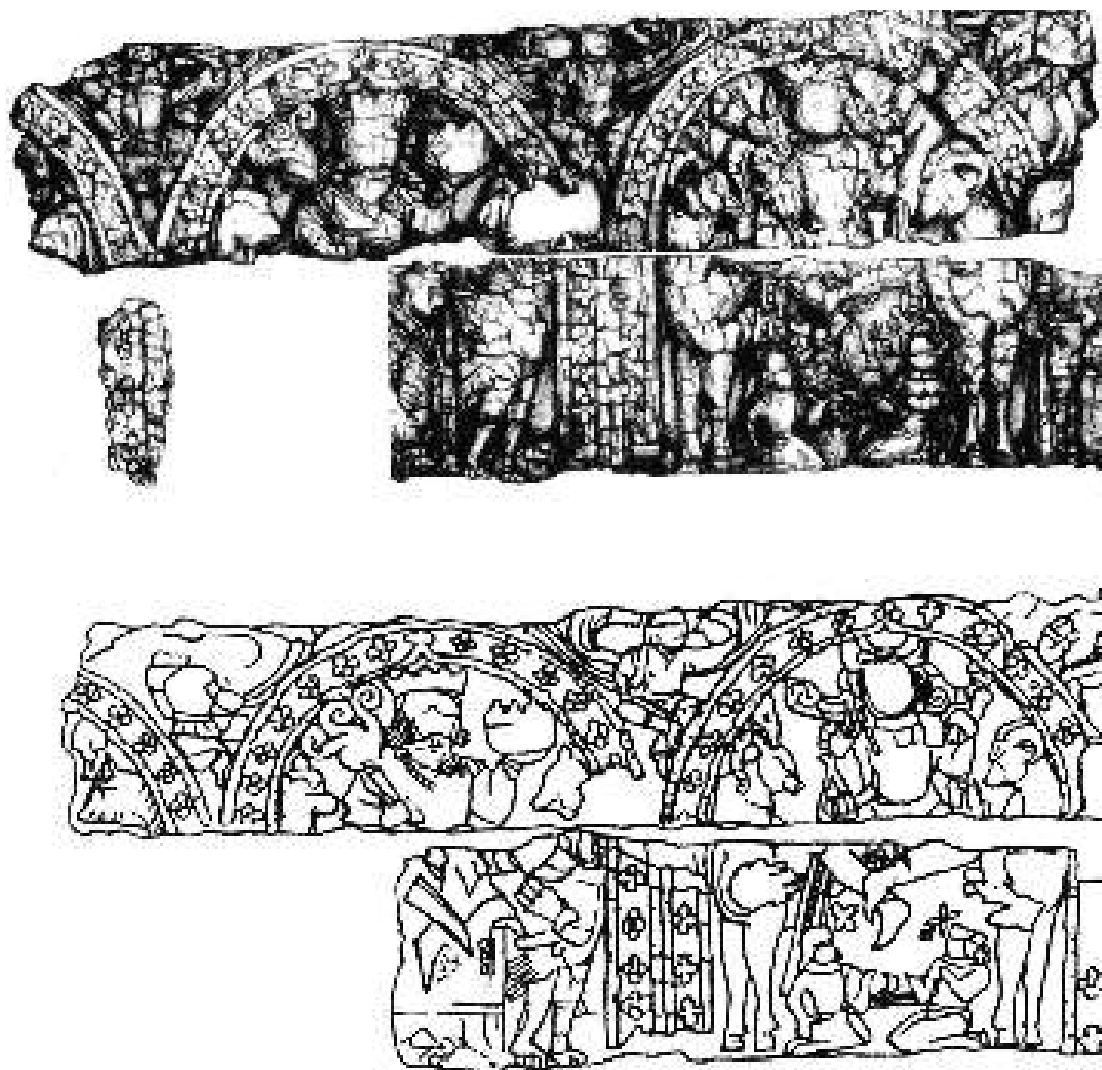

Рис. 1. Древнетюркские божества Тенгри-Небо, Умай на зооморфных тронах. Центральная композиция на северо-западной стене главного зала дворца Куйруктобе. *Отрарский оазис*

Верховным божеством у древних тюрков считался Тенгри-Небо (Стеблева И.В., 1972, с. 213–214; Потапов Л.П., 1973, с. 265). Как пишут С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов (1992, с. 150), по воле Неба правили каганы, которые именовались «Небоподобными и на Небе рожденными», по воле Неба тюрки одерживали победы или терпели поражения, Небо и Земля-Вода спасали тюркский народ в лихую годину, тюркские ханы в своих надписях постоянно призывают Небо быть благосклонным к ним.

Представления о главном божестве сохранялись и в этнографическое время у многих тюркских народов. «Небо – это высочайшее божество в шаманстве. Кок-тэнгри – Синее небо. <...> Небо было свободно в своих поступках, оно награждало и карало. От его воли зависело благополучие людей и народов», – пишет Ч.Ч. Валиханов (1985, с. 58), рассматривая следы древних верований у казахов.

Примечателен зооморфный трон, на котором сидит божество. По мнению К.М. Байпакова и Г.А. Терновой (2005, с. 54), у зооморфного трона львиные ноги, туловища птиц с приподнятыми крыльями и головы агнцев (овец). Последнее больше похоже на голову волка. Один из них почти идентичен изображению головы волка на фрагменте из соседней третьей арки (Байпаков К.М., Терновая Г.А., 2005, с. 54).

Бильге-каган сравнивает войско своего отца с волком:

«Так как небо дало [им] силу,
Войско моего отца-кагана было подобно волку».
(Стеблева И.В., 1976, с. 20)

Отмечая огромное значение волка для древнетюркской элиты, Л.Н. Гумилев (1993, с. 22–23) писал: «Китайские авторы считают *тюркский хан* и *волк* синонимами, видимо, опираясь на воззрения самих тюркских ханов. <...> Золотая волчья голова красовалась на тюркских знаменах, и, наконец в двух легендах о происхождении тюрков первое место принадлежит прародительнице-волчице». З.С. Самашев (1992, с. 206–208), рассматривая «комплекс волк – знамя», считает, что волк мог выступать в качестве символа, атрибута бога войны.

Слева от центральной фигуры в виде фантастического животного с конским туловищем и конскими ногами, крыльями птицы и головами козла и барана изображено женское божество, которое также восседает на троне (Байпаков К.М., Терновая Г.А., 2005, с. 57–58). На наш взгляд, в правой руке женское божество держит лук в колчане. У ног божества изображены два коленопреклоненных персонажа, размеры которых как минимум в разы меньше основного персонажа (рис. 1).

Сцена коленопреклонения известна на валуне в урочище Кудыргэ, где изображены женщина и ребенок, сидящие в величественных позах и принимающие поклонение от трех гораздо меньших по размеру спешившихся всадников. Согласно выводам Л.Р. Кызласова, а также С.М. Ахинжанова (1978, с. 68–70), величественная женщина в «трехрогой» тиаре на голове является изображением общетюркской богини Умай.

Примечателен головной убор женского божества. Верхняя часть напоминает рога. В нижней части убора четко прослеживается роговидный завиток. Особенности головного убора имеют определенную общность с головными уборами половецких женщин. «Основной частью головного убора были «рога», сделанные из серебряных выпуклых штампованных полуколец, нашитых на войлочные валики. Подавляющее большинство каменных женских изваяний изображалось именно с такими «рогами» (Плетнева С.А., 1981, с. 220, рис. 89; 1990, с. 124). Интересно, что женское божество изображено с луком. По этнографическим данным, фигурки Умай имели лучок со стрелкой. В жилищах шорцев и челканцев символическое изображение «матери Умай» состоит из лучка со стрелкой, прикрепленной с кусочком заячьей шкурки к куску бересты, который прибивают к стене юрты, где родился ребенок, как знак присутствия здесь Умай. Телеуты представляли Май-ане (т.е. мать Умай) в виде красивой женщины с волнистыми серебряными волосами, спустившейся с небес по радуге и охраняющей детей с помощью золотого лука (Потапов Л.П., 1973, с. 274–275).

Сцену коленопреклонения можно интерпретировать как прошение ребенка. По «Диван Лугат ат-Турк», у тюрков была пословица: «у того, кто почитает ее [Умай], будет ребенок». Женщины видят в ней доброе предзнаменование» (Махмуд ал-Кашгари, 2005, с. 152).

Вышесказанное позволяет предполагать, что женское божество на резном дереве является изображением общетюркской богини Умай. Она входила в триаду высших божеств тюрков и являлась богиней плодородия, покровительницей домашнего очага и детей (Стеблева И.В., 1972, с. 215; Ахинжанов С.М., 1978, с. 68–70). Изображение женского божества на троне в виде фантастического животного с конским туловищем и конскими ногами, крыльями птицы и головами козла и барана не случайно. Киргизы вспоминали о божестве Умай в наиболее счастливые и урожайные годы, при обильном урожае и умножении скота говорили: из груди матери Умай молоко течет (Абрамзон С.М., 1971, с. 276).

У казахов божество Умай было известно как Май-ана, т.е. «мать Май». При первом визите в юрту свекра, когда невеста бросала сало

или наливала масло в очаг, женщины приговаривали: «От-ана, Май-ана, жарылқа», т.е. «Мать-огонь, мать Май, благослови» (Толеубаев А.Т., 1991, с. 43). Примечательно, что Бийликульская личина с «трехрогим» головным убором найдена у с. Майтобе (Ахинжанов С.М., 1978, с. 66). В местности Майбулак Южно-Казахстанской области нами были обнаружены древнетюркское изваяние и могильник (Ходжаев М., 1990, с. 52–53). Согласно топонимическому словарю Е. Койшыбаева (1985), на берегах родников, известных как Майбулак, встречаются тамги или изображения на камнях. Видимо, топонимы Майтобе, Майбулак на территории Центральной Азии связаны с культом древнетюркского божества Умай.

К сожалению, до нас не дошла большая часть доски под третьей аркой. Сохранилось лишь изображение головы волка (рис. 1), которое по аналогии с вышеотмеченными сценами, скорее всего, представляло деталь трона божества – «...под аркой, расположенной справа от центральной, сохранилось изображение головы волка или собаки, являющейся левой верхней частью зооморфного трона» (Байпаков К.М., Терновая Г.А., 2005, с. 54). Можно предположить, что под третьей аркой было изображено третье высшее божество тюрков – священная Земля-Вода.

Сохранился фрагмент доски размером 90×25 см, относящийся к левой части композиции северо-западной стены. Под сохранившейся аркой изображено божество, держащее в поднятых руках круглые предметы. На голове божества – крылатая корона (рис. 2). За главным персонажем изображен полукруг со ступенчатыми зубцами, характерными для укреплений. За спиной божества два воина, стреляющие из луков. За арками слева и справа даны изображения крепостных стен, с несоразмерно увеличенными относительно стен фигурами (Байпаков К.М., Терновая Г.А., 2005, с. 59).

К.М. Байпаков и Г.А. Терновая (2005, с. 61) предполагают, что это богиня Нана-Анахита. Однако нет никаких конкретных свидетельств, что древние тюрки почитали эту богиню. Поэтому для идентификации божества, державшего в поднятых руках светила и других персонажей, на наш взгляд, необходимо обратить внимание на материалы, свидетельствующие о распространении манихейства у тюрков.

Согласно данным С.Г. Кляшторного (1992, с. 353), к середине VIII в. манихейство процветало на территории Восточного Туркестана и Семиречья. Манихейские монастыри были в Аргу-Таласе, Йананкенте, Ордукенте, Чигильбалыке, Кашу. По мнению Б.А. Литвинского, Е.Б. Смагиной (1992, с. 526), манихейская традиция имела в Восточном Туркестане глубокие корни, так как учение Мани распространилось здесь уже в VII–VIII вв.

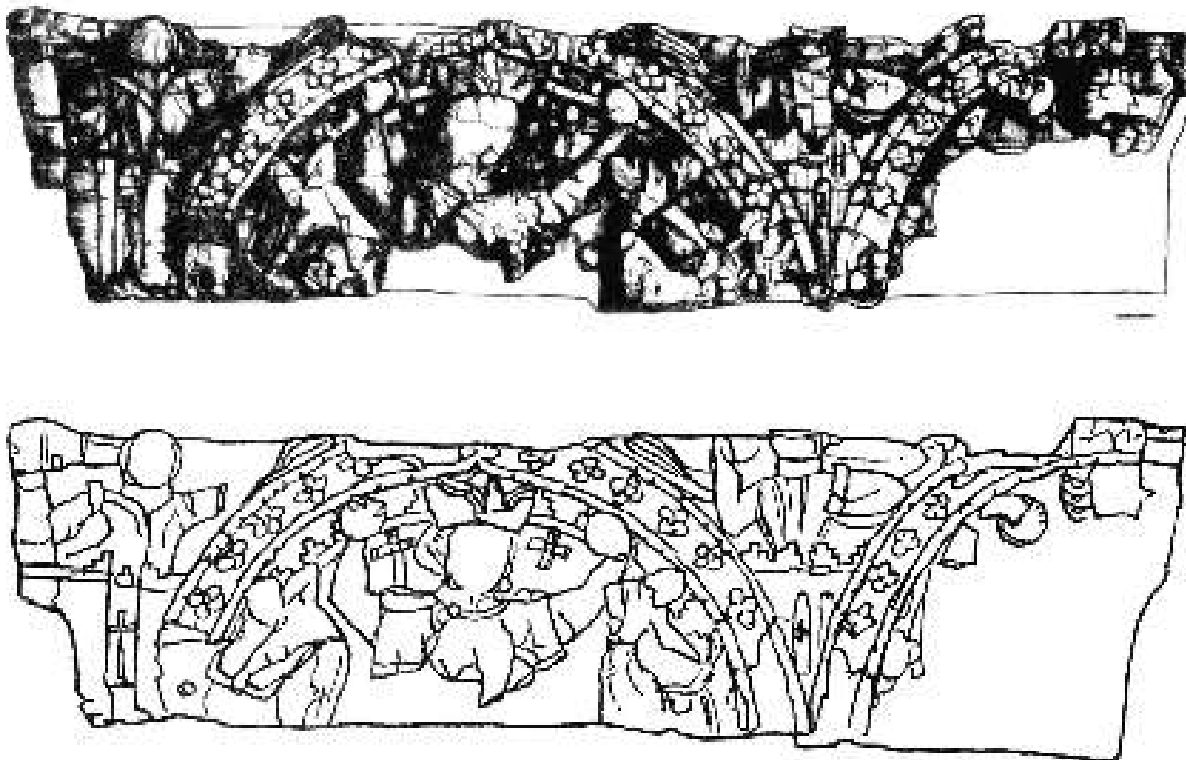

Рис. 2. Манихейское божество *kun aj tangri* – «Бог Солнца и Луны».
Куйруктобе. Отрарский оазис

Казахстанскими учеными также накоплен материал о распространении манихейства на территории Южного и Восточного Казахстана. Второй раздел книги Ю.А. Зуева (2002, с. 259) о ранних тюрках называется «О тюркском манихействе», где отмечается, что в древнетюркское время в орбиту манихейских конфессиональных связей было вовлечено большинство тюркских племен, в первую очередь западные тюрки, тюргеши и кара тюргеши с входившими в их состав племенами. Т.Н. Сенигова (1960, с. 98–102) выявила на территории Тараза ряд материалов, свидетельствующих о бытовании манихейской религии у жителей Тараза и его обширной округи в VI–VIII вв. С середины VII в. племена кимеков приняли манихейство. Ал-Идриси, сообщая о странах кимаков и карлуков, отмечает, что они манихеи: «...кимаки исповедуют сабейскую религию, поклоняются солнцу и ангелам» (Кумеков Б., 1981, с. 18).

По мнению Ю.А. Зуева, идолопоклонство было важной частью манихейской религии, где человекоподобные идолы считались воплощением и символами божественных светил – Солнца и Луны, последних станций на пути к Свету-Раю. Причем зороастрийцы-огнепоклонники Ирана относились крайне враждебно к антропоморфным

идолам манихеев и были полны желания сжечь капища идолопоклонников. Ю.А. Зуев (2002, с. 195) пишет, что похожие чувства испытывал по отношению к зороастрийским храмам огня тюрк-манихеец Сава во время похода на Иран в 588 г., и ссылается на Фирдоуси: «В Иран отправился Сава-шах... чтобы сравнять с землей храмы огня».

По сообщению Абу Райхан Бируни, Мани говорил: «Люди [других] религий порицают нас за то, что мы поклоняемся Солнцу и Луне и воздвигаем им изображения в качестве идолов, ибо не ведают их подлинной сущности, а именно того, что они являются нашими путями и вратами в мир нашего бытия» (Зуев Ю.А., 2002, с. 195). В манихейской доктрине Солнце и Луна занимали важное место. Солнце и Луна являлись единственными светлыми божественными сущностями, доступными в материальном мире. Луна служит жилищем божеств-демиургов, на ней происходит окончательное очищение Души живой, которая затем в качественно возрожденном чистом состоянии через Солнце поднимается к Свету (Раю). Бог Луны обладал неотъемлемым свойством богов – «мудрым знанием», он был властелином, воскрешающим мертвых (Зуев Ю.А., 2002, с. 194–195).

По мнению Ю.А. Зуева (2002, с. 197), в тюркско-тохарском гимне Мани был представлен и как *kun aj tangri* – «Бог Солнца и Луны». Возможно, божество, держащее в поднятых руках светила, является «Богом Солнца и Луны». Примечательно, что на монетах тюркских правителей Чача имеются изображения полумесяца и звезды. На монетах с тюркскими титулами «каган» изображен правитель, сидящий на троне прямо, со скрещенными ногами. Голова повернута вправо, слева изображены полумесяц и звезда (Бабаяров Г., 2007, с. 53).

Ч.Ч. Валиханов (1985, с. 57–58), рассматривая космологические понятия у казахов, писал: «Луна, вероятно, была божеством. Киргизы (казахи) при виде новой луны делают земные поклоны и летом берут с того места, где делали поклоны, траву, которую, придя домой, бросают в огонь. Киргизы говорят, что на луне есть старуха... Киргизы (казахи) не смотрят долго на луну, боясь, чтобы старуха не сосчитала ресниц, если это случится, то человек должен умереть». К разряду высших благопожеланий счастья относилось: «*Айың тусын оңынан, Жұлдызың тусын солыңнан*», что дословно можно перевести: «Пусть родится Луна с правой стороны, а Звезда – с левой стороны». Пожилые казахи и сейчас при виде новолуния, т.е. при виде появления на небосводе лунного серпа, произносят благопожелание.

Изображение сцены осады на доске из Куйруктобе (рис. 2) также объяснимо с точки зрения манихейства. Как пишет Ю.А. Зуев

(2002, с. 187): «Основным принципом манихейской религиозной доктрины был господствующий дуализм, извечность существования четко противостоящих одна другой двух основ или корней – Света (Истины) и Мрака (Лжи), Добра и Зла. Некогда Свет и Мрак пребывали по отдельности, но злокозненный Мрак, во всем завидовавший Свету, объявил ему войну. Пять стихий войнов Света (бог легкого ветра, бог ветра живого, бог света живого, бог воды, бог огня) под предводительством Первочеловека вступили в борьбу со стихиями-антиподами». На основе вышесказанного можно предполагать, что на данной композиции изображена сцена борьбы Света (Истины) и Мрака (Лжи), Добра и Зла, а фигуры персонажей с дубинками или палицами представляют «пять стихий войнов Света».

Под нишами северо-западной стены располагались доски с изображением колонн, с которых спускаются гирлянды. Между колоннами помещены танцовщицы и музыканты (Байпаков К.М., Терновая Г.А., 2005, с. 66). По наблюдениям А.М. Беленицкого (1954, с. 74), среди манихейских фрагментов живописи из Восточного Туркестана часто встречаются изображения музыкантов и музыкальных инструментов, в гимнах и псалмах манихеев также постоянно упоминаются музыкальные инструменты. На иллюстрации к манихейской книге из Турфана мы видим сидящего музыканта (Зуев Ю.А., 2002, рис. 1). По мнению Ю.А. Зуева (2002, с. 191), живопись была обязательным и отличительным атрибутом манихейства и играла не только эстетическую, но и наглядно-воспитательную и большую пропагандистскую роль.

Доска, располагавшаяся в правой части стены и ориентированная на юго-запад, имеет плохую сохранность. Под центральной аркой находится божество, у которого из сохранившихся деталей можно определить только зубчатую корону. В соседней, расположенной справа, арке изображен бог в гофрированной короне с фигуркой птички в левой руке (Байпаков К.М., Терновая Г.А., 2005, с. 68). В последней арке, на наш взгляд, сохранилась часть лунного серпа, что позволяет связать данное изображение также с манихейством.

Необходимо отметить, что сохранившиеся фрагменты колонн и перекрытия украшены цветами и другими элементами растительного узора (Байпаков К.М., Терновая Г.А., 2005, с. 46–47, рис. 21, 22). По мнению Ю.А. Зуева (2002, с. 191), растительный мотив обычен для книжно-иллюстративной живописи и настенных рукописей манихеев.

В левой части композиции северо-восточной стены была расположена ниша с доской, собирающейся из пяти фрагментов. Под центральной аркой изображен персонаж в крылатой короне, сидящий на ковре, на левой руке персонажа сидит несоразмерно увеличенная

хищная птица – сокол или орел. Под аркой слева от центральной фигуры изображен воин, держащий в правой согнутой руке кинжал с изогнутым лезвием (рис. 2). По предположению К.М. Байпакова и Г.А. Терновой (2005, с. 72), в композиции на северо-восточной стене пересказана легенда о герое иранского эпоса Сиявуше, а воин, держащий в правой руке кинжал, есть убийца Сиявуша.

На наш взгляд, логичнее предположить, что в композиции с изображением персонажей – правителей, черты лиц и одежда которых соответствуют тюркским, должна быть передана не легенда о герое иранского эпоса, а сцены, связанные с предками заказчика – хозяина Куйруктобинского дворца.

Крылатая корона персонажа под центральной аркой весьма напоминает крылатую корону, что изображена на головном уборе мраморной скульптуры Кюльтегина, найденной в 1958 г. Примечательна и золотая корона с изображением в центральной части беркута с распростертыми крыльями, что была найдена при раскопках поминального памятника в честь Бильге кагана в 2001 г. Изображение птицы на головном уборе является титульным знаком правителей тюрков (Довдойн Баяр, 2004, с. 217, рис. 2).

Изображение, справа от персонажа с короной, несоразмерно увеличенной хищной птицы – еще один признак богоизбранности его. Ловчая птица являлась одновременно и символом власти, и существом, которое санкционировало (магически) эту власть (Симаков Г.Н., 1998, с. 121). На основе вышесказанного мы предполагаем, что центральный персонаж с короной является изображением тюркского кагана, возможно, предка владельцев Куйруктобинского дворца.

Приведенные выше сопоставления дают возможность предполагать, что раскопанный дворец Куйруктобе являлся резиденцией тюркских правителей-наместников области Кангу Тарбанд – Чач, разрушенной в ходе завоевательных походов арабов в VIII в., в зале дворца были изображения божества древних тюрков, принявших манихейство, а на одной из композиций передано изображение тюркского кагана из рода Ашина, скорее всего, предка владельца Куйруктобинского дворца.

M. Kozha

IMAGES OF TENGRI AND UMAJ ON THE FRETTED TREE FROM THE OTRAR OASIS

In article it is considered the questions connected with interpretation of images on carved boards with cult and secular scenes, received in a course excavations citadels of a site of ancient settlement of Kuiruktobe (in 6 km south-to the west ancient city Otrar, South Kazakhstan). The most interesting materials have been received under the excavation of Palace, in the

central hall of which has been found the burnt wood with the picture of scenes of the religious and noble content. The dug out palace of Kuiruktobe in the Otrar oasis was residence of Turkic governors-deputies of area of Tarband – Otrar destroyed during aggressive campaigns of Moslems in VIII century. The board with the pictures of idols on the zoomorphic thrones remained better than the others. In the arches are shown sitting on the thrones idols. It is possible to observe be the schematic picture that on the left side was the male idol on the throne in a form of figures of two winged camels. The idol on the right side is, probably, wife sitting on throne. On wooden board have been represented deities of ancient Turkic people: the Tengri-sky, Umaj. On one of a composition the image Turkic khagan from a sort of Ashina, most likely, the ancestor of the owner of a palace is transferred.

Key words: *excavations, Central Asia, ancient turkics, reconstruction, cults, Tengri, Umaj.*

Библиографический список

Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. 403 с.

Ахинжанов С.М. Об этнической принадлежности каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах из Семиречья // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 65–79.

Бабаяров Г. Монеты Чача в эпоху Тюркского каганата // Денежное обращение и торговля средневекового Казахстана. Туркестан, 2007. С. 52–67.

Байпаков К.М. Работы на Отраре и Куйруктобе // Археологические открытия 1982 г. М., 1984. С. 450–451.

Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986. 256 с.

Байпаков К.М., Терновская Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана. Алматы, 2005. 236 с.

Байпаков К.М., Шарденова З.Ж., Перегудова С.Я. Раннесредневековая архитектура Семиречья и Южного Казахстана на Великом шелковом пути. Алматы, 2001. 238 с.

Беленицкий А.М. Вопросы идеологии и культов Согда (по материалам пяджикентских храмов) // Живопись древнего Пянджикента. М., 1954. С. 25–82.

Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. М., 1999. 359 с.

Валиханов Ч.Ч. Следы шаманства у киргизов // Собрание сочинений: в 5-ти т. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 48–70.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993. 523 с.

Довдойн Баяр. Археологическое изучение поминального памятника в честь Бильге кагана // Труды Центрального музея РК. Алматы, 2004. Т. 1. С. 214–223.

Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002. 333 с.

Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1992. С. 326–369.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992. 375 с.

Кумеков Б. Сообщение ал-Идриси (XII в.) о странах кимаков и карлуков // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, 1981. С. 12–19.

Ковшарь А.Ф. Аксу-Джабаглы. Алма-Ата, 1972. 68 с.

Кожа М. Походы арабов в районы Ферганы, Чача и средней Сырдарьи в VIII в. // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек, 2009. Вып. 4. С. 97–103.

Койшыбаев Е. Қазақстанның жер-су аттары сөздігі. Алматы, 1985.

Литвинский Б.А., Смагина Е.Б. Манихейство // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1992. С. 508–532.

Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Алматы, 2005. 1288 с.

Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 213–221.

Плетнева С.А. Половцы. М., 1990. 208 с.

Потапов Л.П. Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник 1972. М., 1973.

Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата, 1992. 288 с.

Сенигова Т.Н. Иконографическое изображение из Тараза // Известия АН Каз ССР. Сер.: Металлургия, обогащение и огнеупоры. Алма-Ата, 1960. Вып. 3.

Симаков Г.Н. Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии. СПб., 1998. 320 с.

Смагулов Е. Арабское нашествие на Южный Казахстан: данные письменных и археологических источников // Мобилизованный археологией. Астана, 2004. С. 103–113.

Стеблева И.В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник 1971. М., 1972. С. 213–226.

Стеблева И.В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М., 1976. 214 с.

Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. Алма-Ата, 1991. 214 с.

Ходжаев М.Б. Древнетюркское изваяние из Майбулака // Тезисы докладов научно-практической конференций, посвященной 70-летию организации Чимкентского областного историко-краеведческого музея. Алма-Ата, 1990. С. 52–53.

Г.Г. Король

Институт археологии Российской академии наук, Москва

МОТИВЫ ЛЕТАЮЩЕЙ ПТИЦЫ И КРЫЛАТОЙ БОГИНИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТОРЕВТИКЕ И ТРАДИЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ САЯНО-АЛТАЯ

Рассмотрены некоторые орнитоморфные изображения и мотив крылатой «богини» на торовике малых форм (предметах художественной пластики) Саяно-Алтая и прилегающих территорий конца I – начала II тыс. Пер-